

12 августа исполнилось бы 65 лет Анатолию Георгиевичу Егорову — журналисту, прозаику, поэту. Об Анатолии вспоминает старший брат Юрий

«Целуй меня, люби меня, мое бессмертье!»

текст **Юрий Егоров**

Анатолий родился в семье газетчика, впоследствии известного писателя-фронтовика, автора романов «Солона ты, земля!», «На земле живущим», «Книги о разведчиках» и других произведений — Георгия Васильевича Егорова.

Неудивительно, что и Анатолий встал на литературную стезю. Но в отличие от многих коллег начал он с повести и только потом занялся журналистикой. Работал в горноалтайской областной газете «Звезда Алтая», собкором, затем ответственным секретарем «Молодежи Алтая», редактором газет «Витязь», «Славянский мир», «Деловой курьер Алтая».

Анатолий Егоров — автор повестей «Ждите нас в мае», «Темные дворы», «Записки Кашкадамова», «Случай на старом маршруте», книги стихов «Лирика», очерков и рассказов. Главным его произведением стала многотомная публицистика «Public Relations, или История реформ, записанная на коленке».

К литературе нас с Толей приобщили, конечно, родители. Мама как-то прочитала нам чеховскую «Каштанку». Судьба собачки очень тронула нас, и мы частенько просили маму: «Расскажи про Каштанку». Отец читал вслух «Тёркина» Твардовского. Восхищался: «Вот послушайте: "По дороге на Берлин вьется серый пух перин". Здорово! Сразу представляешь себе: из немца выпустили дух, как пух из перин. Всё, конец войне».

Нравилося отцу и это место: «Эх, яичница! Закуски нет полезней и прочней. Полагается по-русски выпить чарку перед ней». И однажды, когда мама поставила на стол яичницу, маленький Толик радостно воскликнул: «Эх, яичница, закуски нету!» Отец, мама и я так и покатались со смеху.

Толя был увлекающейся натурой. Полюбившуюся ему детскую книжку друга отца Виктора Сидорова «Федька Сыч теряет клычку» он прочел семь раз. Узнав об этом, отец был вынужден спрятать книгу: надо сыну читать и другие произведения. В молодости Толя с такой же страстью зачитывался «Швейком» Гашека. Знал его чуть ли не наизусть, цитировал. Когда у брата родился сын, то он призвал меня выбрать ему имя. Мы недолго мучились. Я предложил для начала вспомнить имена великих русских князей: Вещий Олег, Игорь, Ярослав Мудрый... «Вот вот-вот! Ярослав! В честь Гашека, — вскричал Толя. — Буду звать его, как звали маленького Гашека, — Ярдой».

Толя, пока служил в армии, слал домой веселые, полные юмора письма. Когда вернулся, отец предложил ему написать на их основе повесть. Брат написал, назвал «Ждите нас в мае». В Алтайском книжном издательстве повесть понравилась, ее напечатали в сборнике молодых авторов «Журавлиное лето». И вдруг в «Алтайской правде» выходит разгромная рецензия под названием «Верхом на фиолетовой лошади» (в повести эта лошадь изображена на стене ресторана, в который водили призывников обедать).

Оказывается, повесть прочел какой-то прапорщик из Бийска, возмутился клеветой на армию и настрочил письмо в Сибирский военный округ, центр которого тогда находился в Новосибирске. Окружные генералы тоже возмутились и поручили журналисту Никулькову написать рецензию. Парень, будучи не без способностей, проехался на этой самой лошади по повести. Рецензию напечатала окружная газета «Советский воин», а потом кто-то в крайкоме партии дал команду ее перепечатать. Крайком же и отреагировал на мнение «общественности». Редактора книги Каролину Ивановну Саранча уволили, директора издательства Александра Тимофеевича Бутакова перевели с понижением в радиокомитет.

Через несколько лет я как кандидат на должность ответственного секретаря редакции «Алтайской правды» был на собеседовании у первого секретаря крайкома партии Николая Аксёнова.

— Это который же Егоров? — спросил он, когда услышал мою фамилию. — Я знаю двоих Егоровых: Георгия Васильевича и его сына, который написал эту повесть про армию... — Он посмотрел на заведующего отделом пропаганды, который представил меня.

— Это другой сын, — поспешно ответил тот.

— А зря мы тогда на бюро эту повесть разругали, испортили парню творческую биографию, — Первый сурово смотрел на завотделом, словно выговор ему делал. Видимо, вопрос на бюро готовил отдел пропаганды. — Как-то легко мы решаем судьбы людей! А я прочитал потом повесть — хорошая повесть, веселая. И правдивая. Я был на военных сборах — там такой же бардак, как показано в повести. А? — Он повернул ко мне массивную голову. Но я не снял камешек с его души, не сказал, что брат нисколько не пострадал (а за эту повесть был принят в Литературный институт имени М. Горького), — ведь другой-то человек, редактор книги, наказан ни за что. Да и нашему отцу нелегко далась эта история, особенно после того, как его за разговоры о Колчаке исключили из партии, а меня как сына антисоветчика — из университета. Но это, как говорится, другая история.

За армейскую повесть студента Анатолия Егорова хвалил известный прозаик и сценарист Александр Евсеевич Рекемчук, который руководил творческим семинаром в Литинституте. Правда, говорил он, студент Егоров после этой повести ничего не написал. Огромная Москва, встречи с интересными людьми, работа грузчиком в магазине, выпивки в богемных компаниях отвлекали от литературного дела. Но неожиданно появился стимул для ответа учителю по существу. Толя поспорил с однокурсником, что за неделю напишет повесть на любой сюжет, который тот ему даст. Видимо, вспомнили Пушкина с Гоголем.

Повесть «Записки Кашкадамова» принесла ее автору несколько бутылок портвейна, которые спорщики вместе и распили.

А вообще-то об армии у Толи остались хорошие воспоминания и много юмористических фотографий, на которых он и его товарищи попросту дурачатся. И Толины сослуживцы поминали добрым словом своего сержанта; один

из них, прибалтиец, судя по фамилии, даже специально приехал в Барнаул, чтобы повидать Толю, но не застал. Говорил маме: «Толя — настоящий человек, его все подчиненные любили, он не допускал дедовщины».

И повесть Толина — не о бардаке в армии, а о хороших ребятах в солдатской форме. Позже она была напечатана в героико-патриотическом литературно-художественном альманахе «Подвиг» (Москва, 1984).

...Так же запойно, как читал чужие книги, Толя писал и свои. Не мог он спокойно смотреть на то, как расправляются с нашей страной реформаторы. Это были безумные, безумные, безумные 90-е. Надо было срочно объяснить наивным соотечественникам, воспитанным при социализме, что происходит. Свои заметки о реформах он начал публиковать в газетах, которые редактировал: «Славянский мир», «Деловой курьер Алтая», и в газете, которую редактировал его друг Евгений Скрипин, — «Два слова». (Постепенно заметки переросли в серию книг «Public Relations, или История реформ, записанная на коленке».) Это были острые оперативные отклики на самые разные события, происходящие в стране и мире. Толя сидел за компьютером до двух-трех часов ночи, утром до него было невозможно дозвониться — отсыпался, отключал телефоны. Я его ругал: разве нельзя утром обмозговать и прокомментировать вчерашнее? Оказывалось, нет, земля должна гореть под ногами разорителей страны.

Когда в детстве брата били большие мальчики, он на маминых допросах молчал, как партизан, никогда никого не называл. И когда я бил за него этих мальчиков, он не выдавал и меня. Но эти дела касались только нас, братьев. А когда речь зашла о всей стране, подлецы должны быть названы... И Толя не мог спать. В армии он с такими же «молодыми», как сам, дал отпор «дедам», и те «умылились».

«Историю реформ» можно читать с любого места, бросить в любом и начать там, где откроется. Брат считал это одним из плюсов своего многогомого труда. При этом скромно умалчивал о других главных достоинствах: глубине осмысления нашей политической жизни и блестящем юморе, иногда переходящем в сарказм.

Протестовал Анатолий против одекolonизации народа, подразумевая под этим избранным им термином не только употребление одекolonона и прочих суррогатов алкоголя, но и колонизацию страны Западом.

Впечатлительный и добрый по натуре, Толя с детства защищал тех, кого обижали. Когда мама собиралась отходить меня полотенцем, он вставал между ней и мной. В начальной школе он единственный дружил с одноклассником, которого остальные дразнили жидом. Позже в газете «Витязь» по другому поводу Толя публикует объяснение слова «жид» по Далю: скупец, скряга, корыстный купец. Понятно, это значение слова никакого отношения к однокласснику не имело. Но в детстве брат руководствовался не знанием, которого у него тогда не было, а чувством справедливости.

Работая в «Молодежи Алтая», брат познакомился с божком Лезиным, который регулярно ходил по редакциям и типографии, находящимся в издательском комплексе «Алтайская правда». Ходил он ради общения, ничего не просил. Бомжа знали все, но написал о нем и опубликовал зарисовку в газете один Толя. Валера Лезин, рожденный пьющей матерью и отданный ею в приют, добывая себе пропитание на железной дороге, потерял там ногу. Скитался по углам и писал стихи, жалуясь в них на свою горькую жизнь. Толя разглядел в нем своеобразный талант и говорил, что он пишет лучше профессиональных алтайских поэтов (доходить до крайностей — тоже Толина черта).

Поддержанный ответственным секретарем «Молодежки» Анатолием Егоровым (кажется, брат публиковал в газете и стихи своего протеже), Валера со временем издал свой сборник «Жалобы бомжа». Деньги он собирал на паперти, на которой конкуренты нищие проломали ему голову кирпичом. Но не только для себя искал средства «бедный гений», рискуя своей головой, — его вклад в памятник Пушкину в Барнауле оказался вторым по величине после «Зернобанка». Ну не прозорливец ли после этого мой дорогой брат!

...При жизни брата вышел только один том «Истории реформ», а больше полутора или двух десятков живут пока в Интернете. Последние главы в его компьютере помечены февралем 2017 года, а 27 июня Толи не стало. В этот день главный редактор журнала «Алтай» Лариса Вигандт принесла Толе домой сигнальные экземпляры журнала с подборкой его стихов — порадовать автора... Открывало ее стихотворение «Жить!». Брат публикацию уже не увидел. В связи с трагическим событием стихотворение это приобрело, конечно, особую значительность. Чем оно было — предвидением, последним всплеском жизни перед вечным покоем? Сейчас можно только гадать. Но мне кажется, оно говорит о характере Анатолия, о его духовных ценностях: он всегда думал о том, о чем должен думать поэт — о вечном, о любви, о жизни и смерти.

Приведу это завещание брата.

ЖИТЬ!

*Идут другие времена, другие люди,
И что за дело, что про нас они забудут!
Их тоже ждёт всё та же ночь, и после тоже
Никто не сможет им помочь, никто не сможет.
И никакого нам до них нет дела,
Как им до нас — «единственных» на свете белом.
Так как же жить? А так: любить и быть любимым,
А про забвение забыть. Всё это — мимо.
Лишь только знать: бессмертье — здесь.
Простое знанье.
Бессмертны мы, пока мы есть, а там — молчанье.
Пусть в бездну Божьего огня летят столетья, —
Целуй меня, люби меня, моё бессмертье!*

Две строки из этого стихотворения теперь высечены на могильном камне...